

Чарская Лидия Алексеевна

Приютки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Приютки / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 353 с.

ISBN 978-5-521-29829-7

ISBN 978-5-521-29829-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

12598-61

ПРЮТКИ.

ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

2007465709

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Первымъ сознательнымъ воспоминаніемъ Дуни было: невѣроятно теплый уголь лежанки, крошечное оконце, выходящее на лугъ и на синѣющія деревья лѣса, молчаливо-прекраснаго и стройнаго тамъ, вдалекѣ...

Когда выплывало солнце, бѣлые зайчики бѣгали по стѣнѣ избышки, а отецъ Дуни, чернобородый мужикъ съ добрыми глазами подходилъ къ лежанкѣ, подхватывалъ дѣвочку своими огромными руками съ мозолями на ладоняхъ и, высоко подкидывая ее надъ головою, приговаривалъ весело

— Вотъ мы какъ! Знай нашихъ! Ай, да Дуняша, отцова дочка! Вотъ мы какъ! И Дуняша смѣялась и веселилась, какимъ-то недѣтскимъ смѣшкомъ.

Такъ не смѣются двухлѣтнія... И глаза у нея были недѣтскіе большіе, задумчивые, глубоко ушедшіе въ орбитахъ, голубые и ясные, какъ лѣсные ручьи.

*

Потомъ, Дуня уже не прыгала на рукахъ отца Порфирія Прохорова. Порфирій Прохоровъ уѣхалъ на заводъ въ городъ. Недостатки были въ деревнѣ и большая часть кормильцевъ отправилась на заработки въ Петербургъ.

Осталась Дуняша въ родной избѣ со старой бабушкой Маремьяной, да съ котомъ Игнашкой. Матери у нея уже не было въ ту пору. Дунина мать умерла, произведя на свѣтъ дѣвочку. Каждую Оомину недѣлю, въ дни поминовенія усопшихъ, бабушка Маремьяна стряпала кутью, увязывала парочку яицъ въ платокъ и шла на могилку дочери вмѣстѣ съ Дуней, поминать покойницу. Погостивъ на могилкѣ, бабушка клала на нее круто сваренныя яйца и сыпала кутью на могильный холмикъ, предварительно часть которой сѣдала тутъ-же, не забывъ угостить ею и Дуню. Налетали птицы, подбирали сладкія крупинки риса, а бабушка улыбаясь говорила, что радуется въ эти минуты душенька усопшей дочери. Дуня любила эти походы на кладбище. Изъ церкви, неся переливчатый, серебрянный звонъ, бурое окрашенное лукомъ, либо красное яичко заманчиво выдѣлялось среди молоденькой весенней травки, а тамъ, издавеча призывно шумѣлъ зеленымъ шумомъ лѣсъ и подкрашаяся весна сулила немалыя утѣхи дѣвочкѣ.

Въ три года Дуня бѣгала туда уже съ ребятами по ягоды, ходила по грибы съ бабушкой Маремьяной въ лѣсную чащу. Любила Дуня лѣсъ, его темныя своды и мягкій коверъ травы, испестренный цвѣтами. Любила гомонъ пташекъ и стрекотъ кузнечиковъ и пестрыхъ бабочекъ, такихъ нарядныхъ, похожихъ на цвѣты. Объ ушедшемъ отцѣ думала мало. Бабушка постоянно говорила внулкѣ, что вернется тятка лишь только сколотить деньгу пошибче и гостинцевъ принесетъ своей Дуняшѣ. Безпримѣнно вернется годика черезъ три, четыре. Покамѣстъ на ихъ крестьянской полосѣ орудовалъ подряженный бабушкой сосѣдъ и отсутствіе отца только и сказывалось въ часы полдника или ужина: въ

прежнее время, бывало, заполняла всю их крошечную избу его громоздкая фигура съ большой головою, добрыми глазами и черной окладистой бородой. Да еще никто больше не подбрасывалъ Дуню на сильныхъ рукахъ съ веселымъ смѣхомъ, никто не ласкалъ ее сердечной, простою отцовской лаской.

Положимъ, теперь-бы и отецъ не подбросилъ дѣвочку,—подросла Дуня. Бабушкѣ въ избѣ помогаетъ, за водой ходитъ къ колодцу, въ лѣсъ бѣгаетъ съ ребятами. Печь умѣетъ растопить, коровушкѣ кормъ ѣдать, полы вымыть...

Бабушка не по днямъ, а по часамъ старѣетъ. Все лицо излучилось морщинами, ходитъ не иначе, какъ опираясь на палку и все кряхтитъ.

— Ничего, до весны, дастъ Господь, протянетъ, а тамъ и хозяинъ съ завода вернется, толковали сосѣдки, не стѣсняясь присутствіемъ Дуни, поглядывая на старуху.

Теперь Дуня стала нетерпѣливѣе поджидать отца. Съ возможностью скорой бабушкиной смерти, она уже успѣла примириться и, поплакавъ тишкомъ, стала больше думать о приходѣ тятки, о которомъ кстати, сказать, имѣла сейчасъ очень смутное воспоминаніе.

И вотъ, неожиданно случилось то «страшное», что на всю жизнь осталось памятнымъ дѣвочкѣ.

Изъ Питера, съ завода, гдѣ работалъ Порфирій Прохоровъ пришло нацарапанное каракулями письмо.

А извѣщалось въ томъ письмѣ, что, Божіей волею, случилось съ Прохоровымъ несчастье. Попалъ онъ подъ колесо машины и умеръ мученической смертью, раздробленный ею на сотню мелкихъ кусковъ.

Несмотря на свои восемь лѣтъ, Дуня плохо поняла, однакожъ, весь ужасный смыслъ полученнаго извѣстія.

За то, бабушка Маремьяна, какъ дослушала конецъ Питерской цидулки, прочтенной ей ея крестникомъ, сосѣдскимъ сыномъ Ванюшей, такъ и опрокинулась на лавку, почернѣла какъ уголь, и уже больше не поднялась.

А черезъ три дня положили ее рядышкомъ съ Дуниной матерью, подъ деревянный крестъ на погостѣ, у котораго сама она частенько молилась за упокой души покойницы-дочки. Сосѣди подобрали Душу, скорѣе испуганную неожиданностью, нежели убитую горемъ. Бабашку Маремьяну Дуняша больше побаивалась, нежели любила. Сурова была бабушка, взыскательна и требовательна не въ мѣру. Чуть что и за косичку и за ушенько оттрепетъ и безъ ужина отправить спать.

А все же жаль ее было дѣвочкѣ. И горько заплакала она когда бабушку Маремьяну зарывали въ землю.

Черезъ недѣлю пришло письмо съ завода съ бумагою за печатью и съ деньгами. Въ бумагѣ говорилось о томъ, что малолѣтняя Авдотья Прохорова, усердными хлопотами заводскаго начальства, принята въ пріютъ, какъ круглая сирота и дочь погибшаго при исполненіи своихъ обязанностей рабочаго, и прилагаемыя деньги посылались Душѣ на дорогу.

II.

Въ нѣсколько часовъ собрали сосѣди дѣвочку и отправили съ попутчикомъ въ Питеръ.

Попутчикъ, глуховатый парень Микешка, ѣхавшій наниматься въ извозъ, всю дорогу прикладывался къ стеклянной посудинѣ, что хранилъ за пазухой, закусывая огурцами и добродушно угощая Душу.

Но та отнѣкивалась и отупѣлыми, распухшими отъ слезъ глазами, смотрѣла въ окно. Въ окнѣ бѣжали деревья, будки, дома, деревни, коровушки паслись на лугу... И опять деревья... будки...

Все видѣнное въ окнѣ напоминало только что покинутое, родное сердцу: вотъ мелькнула деревня—пѣскольکو домовъ по откосу, вспомнилась своя деревенька, изъ которой съ растерзаннымъ сердцемъ уѣзжала нынче Дуня... Вотъ кладбище—и выплывало передъ полными слезъ глазами свое кладбище, родная могилка матери, пасхальныя яички, сладкая кутья съ изюмомъ, молитвы и причитанія покойной бабушки. Коровушка на лугу—точь въ точь своя Буренка, та самая Буренка, которую порѣшили продать «міромъ» и вырученныя деньги положить въ Сберегательную кассу въ городъ на имя Дуни... Вонъ лѣсъ опять начался за окномъ вагона...

И выступили ярко воспоминанія въ дѣтской головкѣ Дуни... Походы по грибы и ягоды... Тѣнистая прохлада, зеленый шумъ, пѣніе птицъ и звонъ кузнечиковъ въ мягкой муравѣ...

Слезы душили горло... Все миновало и не вернется никогда. Везутъ ее, Дуню, въ чужой городъ; въ чужое мѣсто, къ чужимъ людямъ. Ни лѣса тамъ, ни поля, ни деревни родной. Ахъ, Господи! За что прогнѣвался Ты Милостивецъ на нее сиротку? Чѣмъ досадила она Тебѣ?

И мучительно, до боли захотѣлось дѣвочкѣ прежней вольной жизни: потянуло въ душную бѣдную избу, захотѣлось услышать неизмѣнную воркотню бабушки Марсмыяны. Почувствовать (куда ни шло!) ея крѣпкіе костлявые пальцы на замершемъ отъ боли ухѣ, услышать сердитое шипѣнье раздосадованнаго голоса:

— Опять въ лѣсу, непутевая, сломялась? Ну, стой ты у меня! Дай срокъ! Ужо будетъ тебѣ крапивой!

Все миновало... Потѣздъ несется, такъ быстро точно гонится кто за нимъ. На встрѣчу бѣгутъ по прежнему поля, коровушки, деревни.. Лѣсъ... Милый лѣсъ, родненькія деревни! Не быть тамъ больше Дуни... Никогда! Никогда!

Большое коричневое зданіе на перекресткѣ двухъ улицъ. Вокругъ дома садъ, опоясанный чугуныиъ поясомъ рѣшетки. А кругомъ дома, огромные, чуть не до неба (таково было мнѣніе Дуни) и рядомъ маленькіе, словно избы въ переѣмку поставленные съ большими.

Бѣжали они сюда съ Микешкой—попутчиикомъ долго, долго... Такъ долго, что у Дуни отъ сидѣнья даже ноги затекли. Сначала на чугунокъ, потомъ вышли на вокзалъ и чуть не потерялись въ окружившей ихъ сразу толпѣ.

Однако, дошли до электрички, забрались въ вагонъ и опять поѣхали.

У Дуни отъ первой этой поѣздки въ жизни по желѣзной дорогѣ и отъ всей этой суматохи, грохота, шума и тряски въ ушахъ звенѣло и голова стала тяжелой, какъ капустный кочанъ.

Парень Микешка, бывалъ уже не разъ въ городѣ и объяснялъ своей спутницѣ про попадавшія имъ навстрѣчу чудеса въ видѣ огромныхъ домовъ, трамваевъ, каретъ, колясокъ и велосипедовъ.

За всю ночь проведенную въ тряскомъ вагонѣ, Дуня не сомкнула глазъ, раздавленная, разбитая массою новыхъ впечатлѣній и теперь, все проносилось передъ ней, какъ въ туманѣ. Наконецъ, доѣхали до мѣста. Сошли. Держа въ одной рукѣ узелокъ съ ея убогимъ приданнымъ и уцѣпившись другою за руку Микешки, Дуня вошла въ подъѣздъ, коричневаго дома, показавшагося ей дворцомъ.

Передъ ними очутился сторожъ съ медалями на груди и съ сивыми очень внушительнаго вида отвислыми усами.

Микешка, у котораго вчерашній хмѣль еще не вышелъ изъ головы, сталъ сбивчиво объяснять сторожу что-то, путая о заводѣ, о погибшемъ подъ машиннымъ колесомъ Порфиріи Прохоровъ и вскользь упомянулъ о Дуняшѣ, пугливо прижавшейся къ его рукѣ.

— Стало быть, новую воспитонку привезъ, толку отъ тебя не добьешься! Деревенщина! — презрительно

бросилъ сторожъ, едва выслушавъ разсказчика и окинувъ Дуню уничтожающимъ взглядомъ.

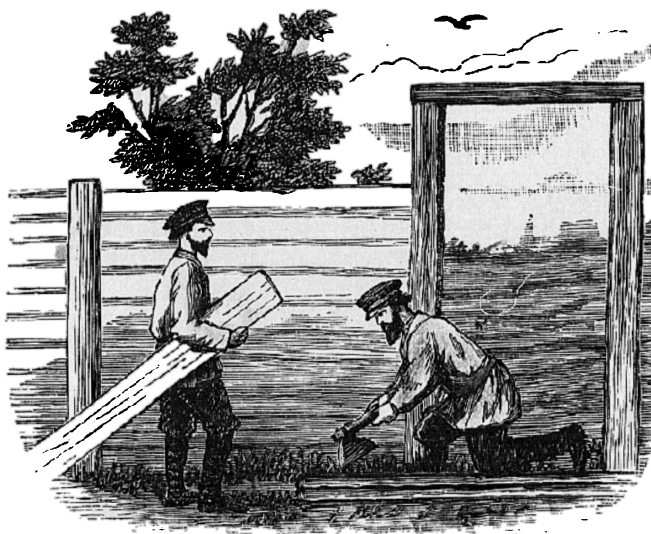
— Ждите. Сейчасъ помощницу призову,—добавилъ онъ уже въ дверяхъ, бросивъ черезъ плечо еще одинъ небрежный взглядъ по адресу вновь прибывшихъ.

Микешка, умаявшись долгимъ путемъ, присѣлъ на лавку тутъ же, въ прихожей, большой свѣтлой комнатѣ со скамейками вдоль стѣнъ и съ вѣшалкой внушительныхъ размѣровъ въ углу.

— Дунька, сажайся, гостьей будешь! — усмѣхнулся онъ, грубовато-ласково, проведя мозолистой рукой по бѣлокурой головкѣ дѣвочки...

Та молча повиновалась.

И лишь только почувствовала себя на твердо стоявшей безъ колебанія (не какъ въ поѣздѣ и въ электричкѣ) скамейкѣ, завела глаза и уснула сразу, точно провалилась въ какую-то темную пропасть въ тотъ же мигъ.

III.

— Привезъ! Ну, и отлично! Бумаги съ тобой? Прекрасно! Давай сюда. Восемь лѣтъ, говоришь? Маленькая! По росту меньше дать можно! Ну, вотъ и ладно. Можешь идти. Спасибо, что въ со-

хранности доведъ. Ступай!..

Все это сквозь сонъ слышала Дуня и незнакомый голосъ и отвѣты Микешки. Потомъ, что-то легко коснулось ея плеча.

— Проснись, дѣвочка, проснись. Спать не время! уже у самого своего уха услышала Дуня и сразу открыла глаза.

— Ахъ!—вскрикнула она, отъ неожиданности и испуга. Во снѣ это или на яву? Микешкинъ слѣдъ давно простылъ... Она сама сидитъ на скамейкѣ въ свѣтлой прихожей. Тотъ же сторожъ съ сивыми усами смотритъ на нее внимательно и зорко, а передъ нею... Господи Іисусе! Маленькое, кривобокое съ большимъ горбомъ за плечами существо близко, близко стоитъ около Дуни и держитъ исхудалую сухую руку у нея на плечѣ. У горбуньи длинное желтое лицо, полусѣдые, полутемные волосы остриженные до плечъ съ загибающимися кверху концами, подхваченные двумя гребенками у ушей и темные глаза... Такихъ глазъ еще отродясь не видывала Дуня. Большіе, глубокіе, серьезные, занимающіе чуть-ли не цѣлую треть лица, они полны тепла, ласки и какого-то изнутри выливающегося свѣта.

И глядя въ эти темные, теплые, лучащіеся глаза, забывалось, какъ-то, общее впечатлѣніе, полученное отъ искалѣченной горбомъ фигуры и длиннаго желтаго некрасиваго лица.

Прочтя испугъ и недоумѣніе въ обращенныхъ на нее глазахъ Дуни, горбунья улыбнулась. И отъ этой улыбки еще больше и теплѣе засіяли ея необыкновенные глаза.

— Здравствуй, дѣвочка, здравствуй! — заговорила незнакомка, — вотъ ты и у насъ. Не бойся! тебя никто не обидитъ. У насъ добрыя милыя дѣвочки, а начальница у насъ ласковая, сердечная, и тебѣ будетъ очень хорошо. Не боишься меня, а?

Дѣвочка хотѣла сказать, что боится, но взглянувъ въ лучистые глаза робко промолвила противъ собственной воли:

— Нѣтъ.

— Вотъ и хорошо! вотъ и хорошо,—обрадовалась горбунья. — А теперь пойдемъ въ лазаретную, тамъ тебя вымоемъ, обстрижемъ, въ казенное платье обря-

Пріютки.

(Стр. 10).

